

РОМАН Л. Н. ТОЛСТОГО "АННА КАРЕНИНА" И КРИТИКА ЧИСТОГО ЧУВСТВА

А. Фейер

Этика Канта подвергалась критике многими исследователями с разных точек зрения за присущий ей ригоризм. Среди отзывов критиков создателя трансцендентальной философии до сегодняшнего дня более всего заслуживают внимания и наводят на размышления высказывания представителей немецкой классической мысли. Особенный интерес для нас представляет одна из рефлексий Гете, исходящая из критики чистого разума и открывающая перспективу развития всей европейской литературы: "Кант указал нам, что существует критика разума и что у этого величайшего из всех достояний, которыми владеет человечество, есть основания недремно следить за собою. Какую огромную пользу принес нам его голос, знает каждый по собственному опыту. А я хотел бы - в этом же смысле - провозгласить задачей критику чувств, которая так необходима, если искусству вообще, а немецкому в частности еще суждено когда-нибудь оправиться и бодрым шагом двинуться вперед."¹ Гете находит решение Канта односторонним, упрекает его в пренебрежении чувственной стороной и, в духе идеи о гармоническом человеке, предлагает привести к равновесию противоречия между рационализмом и эмпиризмом.

¹ Иоганн Вольфганг Гете. Об искусстве. Изд. "Искусство", М., 1975, стр. 588.

Первые русские читатели Канта также предлагали внести корректив в трансцендентальную философию: слово "разум" /Vernunft/ они хотели бы заменить словом "любовь", желая превратить таким образом критику чистого разума в критику чистого чувства.² Однако представление русских толкователей Канта в сущности было иным, чем у Гете; оно не стояло под знаком идеи о гармоническом человеке. Это было противоположное Канту, но такое же одностороннее, как у последнего, решение: чувство было поставлено не рядом с разумом, а на его место.

Внесенное в систему Канта исправление было симптоматичным для начала века, а для русской мысли оно сохранило свое значение на протяжении всего столетия. Е. Н. Купреянова, исследовавшая этические взгляды Толстого в связи с романом "Анна Каренина", устанавливает, что Толстой возводит любовь в ранг нравственного устоя и делает это, исходя из кантовского, или очень близкого к Канту, принципа. Указывая на заключающие роман размышления Левина, автор пишет: "Оптимистический закон любви и добра, открытый Левиным в собственной душе после беседы с крестьянином Федором, выполняет в нравственно-философской концепции романа, в нравственной философии Толстого вообще, примерно ту же функцию, которую отводит Кант категорическому императиву в своей критике познавательных способностей человека."³

Критическое, анализирующее постижение чистого чувства, регулятивной идеи любви выводит Левина из глубокого душевного кризиса. Моральное чувство Левина остается цельным: он

² В. Зеньковский. История русской философии. YMCA-Press. Paris, 1948, т. 1. стр. 200.

³ Е. Н. Купреянова. Эстетика Л. Н. Толстого. Изд. "Наука", М. - Л. 1966, стр. 106.

всегда знал, что надо делать, выносящий в его душе приговоры "непогрешимый судья" недвусмысленно решал "который из двух возможных поступков лучше и который хуже"⁴, указывал ему, как примирить личные интересы с интересами других, когда надо решать в свою пользу, а когда - в пользу ближнего. Непоколебимость этической практики сочетается, однако, с мучительной неопределенностью этического сознания: когда он "не думал, а жил", все шло как нужно, но "рассуждения приводили его в сомнения". Напрасно его совесть диктовала ему безошибочные решения; ему была невыносима мысль о том, что он не знает принципов морального поведения, не знает того закона, на котором зиждется решения внутреннего судьи. Уничтожающим было для него признать, что он живет, "... не зная и не видя возможности знать, что он такое и для чего живет на свете, и, мучаясь этим незнанием до такой степени, что боялся самоубийства."

Глубокое переживание кризиса помогает Левину выйти из него. В состоянии крайнего отчаяния он внезапно осознал, что, если нет возможности понять сущностные принципы, лежащие в основе его личности, то и не надо пытаться их выявить, но, что само осознание их непознаваемости приблизит его к столь желанной истине. Неутолимые страдания - теперь сами эти страдания становятся объектом его рефлексии - опосредствованно подтверждают, что закон добра, отделенный от мира "стеной", жив и невредим в "святой святых его души", и было бы бессмысленным занятием пытаться познать с помощью разума по доступным опыту конечным проявлениям чистого чувства ту бесконечную любовь, которая живет в нем. "Я ничего, ничего не знаю и не могу знать, как только то, что мне сказано вместе со всеми"⁵, - принимает Левин ограниченность возможностей познания, потому что взамен он обретает "знание" человечности. В то время

⁴ Л. Н. Толстой. Анна Каренина. ч. 8, гл. X.

⁵ Л. Н. Толстой. Анна Каренина. ч. 8, гл. XIII.

как внимающий слову категорического императива человек, заглушив голос чувства и следуя приказам разума, борется за человеческое достоинство и, избрав сознательное подчинение, превращается в гражданина свободного духовного мира, Левин, наоборот, отказываясь от бесцельных в его случае интеллектуальных усилий, находит цель жизни: "... также буду не понимать разумом", что такое добро, к которому я стремлюсь, "но жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо от всего, что может случиться со мной, каждая минута ее - не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!"⁶

В противовес кантовской этике, в противоположность критике чистого разума Левин подвергает анализу чистое чувство. Однако, вывод, к которому он приходит в конце, не включает в себя полностью ту этико-философскую проблематику, которую Толстой охватил в романе. Композиция в "Анне Карениной" строится так, что, приведя Левина к определенному решению, Толстой, акцентируя ограниченность этого решения, дает почувствовать на примере судьбы Анны, что есть вопросы, которые оказываются неразрешимыми. Роман Толстого, таким образом, больше, чем художественное воплощение критики чистого чувства: делая ощутимой неудовлетворительность конечного вывода, он является одновременно и выражением запросов, направленных на критику чистого разума. Если Гете, критикуя Канта, хотел поставить рядом с критикой чистого разума критику чистого чувства, то Толстой в своем романе, исходя из противоположной точки, решает сходную задачу: дав критику чистого чувства, воплощенную в образе Левина, он позволяет нам увидеть возможности развертывания полноценной человеческой личности в преодолении односторонности найденного решения.

⁶ Л. Н. Толстой. Анна Каренина. ч. 8, гл. XIX.